

Дорогая Ирина Марковна

Как трудно попасть в верную интонацию, когда хочется одновременно говорить громко и приглушенно, когда публичное и слишком личное требуют своего — высказать безграничное уважение и горечь утраты. Поздним вечером 28 мая 2008 года, практически ровно через 50 лет после создания Советской социологической ассоциации, не стало Ирины Марковны Поповой — одного из очень немногих, действительно считанных ученых, кто выполнил для нашей дисциплины и для всех нас работу, которой уже не повторить. Сейчас мы вроде бы знаем, что наука — это люди, которые занимаются ею серьезно, честно, с воодушевлением. Источающая ныне практика, именованная прежде служением... Такой и была Ирина Марковна, такой и была ее социология. Настигает грустное понимание, что нам уже во всей полноте не почувствовать, не вообразить, каково было им, первым, создававшим науку в наших социологически девственных пределах полвека назад. Должно быть, особая привилегия первых — не иметь учителей, но самим становиться учителями идущих вслед. Этот статус не передается и не наследуется, он производится в единичных экземплярах и отстывает во вневремя вместе с его носителями.

Но остаются их книги и статьи, интервью, воспоминания от личных встреч и разговоров. В этом — основания нашей памяти о той Ирине Марковне, которую мы знали, видели, слышали, порой оказываясь рядом, другие же узнавали по плодам ее трудов, прежде всего по книгам. Меньше всего она настаивала на переимчивости и тем более не ожидала подражания, но то, что было в ее натуре, что было ей присуще, воспринималось как некий правый пример, устойчиво притягивающий своей ненавязчивой силой.

Социолог должен иметь дело с непопулярными вещами и обстоятельствами — для Ирины Марковны это естественно. Избрать после окончания философского факультета сферой профессиональной деятельности науку об обществе — весьма далекое от признания, скорее рискованное даже по отечественным представлениям интеллектуальное занятие — никак не дань моде, но безошибочность вкуса. Разумеется, свою роль сыграл и круг общения. Г.Андреева, А.Здравомыслов, М.Мамардашвили, Р.Медведев, Э.Соловьев, В.Ядов, а в украинской среде Е.Якуба, В.Черноволенко, В.Оссовский — лишь некоторые из тех, кого Ирина Марковна вспоминала с симпатией и благодарностью. Но ведь выбор единомышленников редко бывает случайным, тут тоже многое складывается по определенному правилу, обязывающему откликаться отнюдь не на все ритмы и призывы времени. Такая разновидность сообщества понималась ею, можно предположить, как наиболее адекватная и ценная структура, формирующая социологическое воображение и горизонты науки.

Она никогда не изменяла и принципу вдумчиво общаться с текстами классиков и современников, живо, с интересом, непременно критически, перечитывая уже читанное и знакомясь с переводными и отечественными новинками. Способность быть в курсе последних достижений всегда поражала: мы только неспешно думаем о возможности на них отозваться, а Ирина Марковна в своих текстах и докладах уже аргументированно спорит или соглашается с недавно открытыми для нас французами или немцами. Конечно, иного способа тогда стать социологом не было. Впрочем, его нет и сейчас,

когда источники почти без ограничений доступны, а навык общения с ними все так и не распространяется вширь.

Между тем не об аутентичности прочтения стоит заботиться главным образом. Аутентичности вообще не бывает — Ирина Марковна допускала и признавала множественность, вариативность интерпретаций социологических текстов. В середине 1990-х годов, к примеру, она пытается прояснить для себя социологический ресурс Марковского наследия, которое стали отвергать, делая это как нечто само собой разумеющееся, без особых затрат на поиск доказательств. Значит, самое время заново перечитать и осмыслить с позиций сегодняшнего дня им написанное. Переистолкование же собственных работ вошло для нее в рабочую привычку: последняя большая работа “Диагноз времени” — событие совсем недавнее, а ведь была еще и книга “Сознание и трудовая деятельность” в середине 1980-х, где передумывались и заново оценивались результаты эмпирических обследований трудовых ситуаций и отношений в промышленности — тех самых данных, что составили основу докторской диссертации 1976 года — первой докторской по социологии (доктор философских наук по специальности “прикладная социология”) в Украине и второй, по ее собственному признанию, в СССР. У социолога (как можно понимать такую привычку) нет “идеальной позиции”, которая бы гарантировала ему правильность и обществоведчески-гуманитарную безгрешность. Лукавство, осознанное или вынужденное, часто бывает следствием самоуспокоения, миновать ловушку которого социолог способен лишь перепроверкой собственных выводов. Но трудно даже вообразить, насколько нужно быть укорененным в предмете, постоянно в нем пребывать, сохраняя увлеченность и желание глубже понять! Это свойство, доступное немногим, но так характерное для Ирины Марковны. Потому что предмет, о котором мы говорим, — это люди, с их эмоциями, надеждами, предубеждениями, стереотипами, ценностями, и несовпадения их вербального и реального поведения надо не обличать, а объяснять, приняв за данность.

Для нее, кроме того, социология представляла собой еще и способ действия в мире. Мир непременно уступит нашим усилиям, преобразующим общество в лучшем из возможных направлений, — не следует только их ослаблять. Тут узнаваемо проступает совершенно неискоренимый и неистребимый дух просветительства, убежденность в эмансипирующей и творческой миссии знания об устройстве и особенностях жизни социума в целом и в его отдельных составляющих. И сейчас, как и в советское время, важно дать тем, кто руководит, надежную информацию для принятия ответственных и нужных решений, невзирая на всяческое противодействие. Здесь же проясняется значимость и доброжелательной и неустанной заботы о возвращении будущих обладателей социологической компетентности — студентов, аспирантов, соискателей ученых званий. На первых порах становления социологии рецензирование было весьма специфическим видом научной работы. Поддержать притязание быть социологом в условиях глубокого дефицита обучающей литературы и образцов, которым стоило бы следовать, увидеть в первом научном труде то, что самому автору еще не разглядеть, обозначить перспективу — это мы также перенимали у Ирины Марковны. Тем более, что оказались включенными в опыт ее работы. У нас обоих она была оппонентом и кандидатских, и докторских диссертаций, и мы хорошо помним, насколько

значимыми были ее поощрения и порицания, как непоколебимо уверены мы были в том, что ее-то вердикт будет справедлив.

Ей чужды были дисциплинарные или государственные границы, она сторонилась людей, которые словом и делом всякий раз устанавливали между, то есть разъединяли, она дискутировала с ними со всей страстью вовлеченного в общественную жизнь человека, творящего солидарности, — и ничего иного. Попав однажды, скорее волею случая, на проторенные тропы социологии, мы поняли, что эта наука чего-то стоит, если отдают ей свои силы и помыслы такие люди, как Ирина Марковна. Хрупкая красивая женщина, прекрасный ученый, не растративший веры, не исчерпавший своего созидательного запаса. Двадцатый век отпускает своих кумиров. Предательски торопясь, уходит эпоха. Но, дорогая Ирина Марковна, эффект Вашего присутствия будет долгим и прочным.

*НАТАЛИЯ КОСТЕНКО,
доктор социологических наук,
заведующая отделом социологии культуры и массовых коммуникаций
Института социологии НАН Украины*

*СЕРГЕЙ МАКЕЕВ
доктор социологических наук,
заведующий отделом социальных структур
Института социологии НАН Украины*

Запоздалая читательская благодарность...

Ушла из жизни Ирина Марковна Попова. Смерть творческого человека всегда преждевременна, поскольку уходит целый мир мыслей, которым не суждено быть изложенными в текстах, в лекциях, в докладах и выступлениях, в беседах с коллегами и учениками. Когда уходят такие люди, остается пустое пространство в жизни и в научном поле, место, которого никто не может заполнить. И приходит понимание того, что при жизни таких людей ты недостаточно ценил, часто воспринимая плоды их усилий как должное. Тем более, что существуют тексты, которые стали привычными для восприятия, поскольку не один год по ним учатся студенты, тексты, которые ты рекомендуешь для прочтения, не задумываясь, ведь это то, что будущим специалистам-социологам знать просто необходимо. К таким текстам относится учебник Ирины Марковны Поповой “Социология. Введение в специальность”, за 12 лет ставший своеобразным украинским научным бестселлером. Его особенностью является простота изложения материала, четкость формулировки базовых научных понятий и особый авторский стиль.

Такого рода тексты — учебники по введению в специальность — представляют собой особый и крайне сложный для написания жанр научной литературы. Только настоящий профессионал, обладающий щедростью и даром просветителя, может написать учебник, пользующийся длительным читательским спросом. Такой учебник оставила нам Ирина Марковна Попова.